

о 1923 года родители моего отца жили под Новоржевом в деревне Староселье. В 1923-м молодая семья переехала в Петроград, ютились в сьемном жилье, а затем в 1928 году получили комнату на Охте на Единоверческой улице (ныне ул. Партизанская) — в доме, где раньше находилось богоугодное заведение семьи купцов Елисеевых при церкви Казанской Божьей Матери. В 1929 году храм был безжалостно взорван, а постройки при храме, видимо, приспособили под жилье. В 1933-м семья переехала в комнату в доме, принадлежавшем бывшему подворью Шестаковского монастыря — это было через год после уничтожения церкви и подворья. Вот именно отсюда ушел на фронт мой дед, отец моего отца Колосов Иван Васильевич — сначала на Финскую войну в 1939 году, а затем и на Отечественную в июне 1941-го. Здесь мой отец Анатолий Иванович Колосов и его мать Клавдия Михайловна выжидали в страшную блокадную зиму 1941-42 гг. В январе 1942-го от бомбежек наклонилась стена комнаты, и им дали комнату неподалеку — на 10-й Советской улице, дом 12, кв. 9. Уже отсюда в июле 1942 года отец был эвакуирован на Большую землю.

У меня сохранились воспоминания моего отца. Сегодня они воспринимаются как волнующий документ о времени военного лихолетья.

НАЧАЛО ВОЙНЫ — БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

В конце мая 1941 года сестру Валентину отправили в деревню на каникулы. Ей уже исполнилось 13 лет, и она перешла в 6 класс.

22 июня было воскресенье, погода в Ленинграде была изумительная, и мальчишки нашего дома решили ехать купаться на Ржевку. В 12.00 по радио выступил В.М. Молотов, который объявил о нападении Германии на СССР. На следующий день в РУ (ремесленном училище) было общее построение, на котором выступил директор училища и еще какие-то люди. Было объявлено о добровольной записи в ряды Красной Армии. Несколько учащихся (человек пять), которым уже было по 17 лет, записались добровольцами. Из нашей группы записался один человек. Мне в то время было 16 лет.

В конце июня отец добровольно вступил в Красную армию и был отправлен на фронт. С началом войны занятия в РУ почти прекратились, а в июле нас стали направлять на рытье окопов и противотанковых рвов. Окопы и противотанковые рвы учащиеся нашего училища копали за Ржевкой.

Отец относительно часто писал с фронта и в письмах все время просил, чтобы мы прислали ему папирос или табаку. Мать дважды посылала ему посылки, но, видно, он их не получал, так как в письмах повторялись его просьбы о куреве.

14 или 15 сентября (точно не помню) мне приснилось, что я открыл кухонный стол, а оттуда выползла змея и укусила меня. Во сне я очень кричал, и мать была вынуждена разбудить меня. На следующий день я вернулся с окопов раньше обычного. Мать еще не пришла с работы, и я пошел к своим товарищам по дому и от них узнал, что из первого госпиталя ополчения приходила медицинская сестра и просила нас прийти в госпиталь, так как там находился отец. В этот день в «Ленинградской правде» была напечатана большая статья о каком-то герое-комиссаре, который имел такую же фамилию, как и мы, то есть Колосов. Когда пришла с работы мать, то мы поехали в госпиталь к отцу. В госпитале нам сообщили, что Колосов Иван Васильевич скончался от ран. Тогда мы пришли к начальнику госпиталя, чтобы узнать, что нам делать дальше. Когда начальник госпиталя узнал, что фамилия отца Колосов, он сказал, чтобы мы не волновались, так как на следующий день гроб с телом отца будет поставлен в фойе главного здания госпиталя для прощания. Он заявил, что после прощания будут похороны, и что нам ни о чем беспокоиться не следует.

На следующий день мы вновь приехали в госпиталь, чтобы проститься с отцом. Но здесь выяснилось, что все почести были не для рядового Колосова, а для комиссара, который имел такую же фамилию и умер от ран в этом же госпитале. Когда мы вновь появились у начальника госпиталя, то он уже не был столь внимательным и сказал, что мы можем найти тело отца в море. В море лежало несколько десятков умерших от ран голых солдат. У всех на руке или ноге были написаны фамилии и инициалы. По такой надписи на ноге мы и нашли отца. Голова, грудь и одна нога выше колена были забинтованы. Наверное, бинтовали его прямо на поле боя, так как все бинты были в крови и земле. Узнать отца было невозможно, настолько он был изуродован осколками близко разорвавшегося снаряда, мины или бомбы. Узнали мы его только по наколке на руке.

17 сентября 1941 года отец был похоронен на Большом Охтинском кладбище. В красногвардейском военкомате он внесен в памятную книгу воинов, погибших в период Великой Отечественной войны, под номером 26.

Первые бомбы упали на Ленинград в июле или августе 1941 года. По-настоящему город стал подвергаться бомбежкам с сентября. Дневной массированный налет авиации на город был произведен 8 сентября 1941 года. В этот день были сожжены Бадаевские склады, и несколько зажигательных бомб упало на наш дом и двор, но были обезврежены. В сентябре немецкая авиация бомбила город как днем, так и ночью. Занятия в РУ полностью прекратились.

В конце сентября 1941 года меня направили в отряд ПВО. Отряд находился на Охте в деревянном трехэтажном доме. Жили мы здесь на казарменном положении. Несколько раз участвовали в тушении ночных пожаров, которые возникали после бомбежек. Начиная с октября 1941 года, налеты немецкой авиации были в основном только ночью. В октябре 1941-го моя мать сумела освободить меня из отряда ПВО, и я переехал домой. В РУ ходил только за тем, чтобы получить паек (в основном хлеб). Пока я служил в войсках ПВО, мать сумела сделать кое-какие запасы эрзац-продуктов (несколько плит жмыха — около 30 кг, — немного овса и немного пшеницы). Двоюродного брата призвали в Красную Армию. С каждым днем жить в Ленинграде становилось все тяжелее. Мать где-то достала железную квадратную печку на четырех ножках, которую мы установили около окна и трубу вывели в форточку. Некоторый запас дров, который остался от прошлой зимы, мы из дровяного сарая перенесли в комнату. При необходимости можно было сжечь и сам сарай. В ноябре и декабре 1941 года в свое училище я добирался по

лду Невы. В декабре 1941-го я проходил специальную медкомиссию на дополнительное питание. Учитывая сильное истощение, оно было мне назначено. А что было бы, если бы в доме не было никаких запасов! В декабре 1941 года почти все ученики, которые приехали из деревни, умерли с голоду. Я не буду описывать ни людей, ни города того времени, так как этот период описан очень хорошо. Скажу только, что на толкучке в то время можно было купить и хлеб, и другие продукты. Хлеб на толкучке стоил 100-125 рублей 100 грамм. Но денег у нас не было. Очень похоже блокада описана у Петра Капицы в книге «В море погасли огни».

Жили мы в то время на Старорусской улице, дом 8/10, кв. 4. Эта улица одним своим концом упиралась в 2-ю ГЭС. По этой причине наш район очень сильно бомбили. От бомбежек в нашей комнате одна внутриквартирная стенка наклонилась, и нам в январе 1942 года дали новую комнату на 10-й Советской, дом 12, кв. 9. Перед самым переездом к нам зашел младший брат отца Нил. Он был комиссаром в каком-то партизанском отряде. Он пробыл у нас только одну ночь. Больше я его не видел.

В конце декабря наше РУ перевели с Охты на проспект 25-го Октября (Невский проспект). Первое время столовая РУ размещалась в здании Думы в большом зале. Затем нас закрепили за столовой, расположенной на улице 3-го Июля (Садовая улица) в доме рядом с кинотеатром «Сатурн». Постоянные обстрелы этого района и особенно улицы 3-го Июля затрудняли подход к столовой, и не раз мне приходилось укрываться в парадных или на поперечной улице.

Учитывая, что пользы мы никакой не приносили, в феврале 1942 года часть учащихся, в том числе и меня, перевели в РУ № 51. Почти все живые учащиеся этого РУ были уже эвакуированы из Ленинграда. В этом училище было создано несколько групп сантехников. В то время водопровод в Ленинграде не действовал: трубопроводы были заморожены. За водой Ленинградцы ходили на Неву и Фонтанку или брали воду из водопроводных колодцев прямо на улице. Для столовых воду нужно было таскать на себе, а носить ее было некому. Вот в это время мы и приступили к обучению, которое совмещалось с работой по восстановлению водопроводов в столовых. За период обучения мне пришлось работать в гостинице «Балтийская» на Невском проспекте у кинотеатра «Художественный», на правом берегу Фонтанки недалеко от Невского проспекта, на Обводном канале недалеко от «Фрунзенского универмага» и в гаражах НКВД на бульваре Профсоюзков. Учитывая важность выполняемых работ, во всех столовых нас подкармливали. Наше обучение было закончено 6 июля 1942 года. Для приемки экзаменов была создана специальная комиссия. По всем предметам я получил отличные оценки, и мне была присвоена квалификация слесаря-сантехника 5-го разряда.

Все молодые специалисты были распределены на предприятия, а меня оставили при РУ-51 в качестве помощника мастера по производственному обучению.

ЭВАКУАЦИЯ

9 июля 1942 года последние преподаватели и учащиеся 51-го РУ, включая его директора т. Пикор А.П., были эвакуированы из Ленинграда. Выезжали мы утром с Финляндского вокзала. Из вещей у меня был один большой чемодан, где, кроме белья, было два костюма отца, одеяло и душегрейка. Провожала меня мать. Ехал я вместе с заведующим по хозяйственной части. В середине дня мы были у Ладожского озера. Всех посадили в металлические баржи для отправки на тот берег озера. Когда мы были уже на полпути от того берега, на наши баржи налетела немецкая авиация, но все обошлось. Во второй половине дня мы были в Кобоне. Там нас хорошо накормили. У большинства начался понос. Территория железнодорожных путей, где стояли товарные вагоны для отправки эвакуированных, была

загажена. Вечером наш состав ушел из Кобоны. На следующий день вечером мы были в Ярославле, где нас посадили на пароход. На пароходе мы плыли несколько дней и 16–17 июля прибыли в Казань. РУ № 51 находилось при авиационном заводе, недалеко от города. Первое время я жил на частной квартире вместе с директором училища и его заместителем. Однако когда началось воровство и грабежи в казарме среди учащихся, мне пришлось переехать жить в казарму. То есть для наведения порядка: помощник мастера должен был жить со своими учащимися. Все мои вещи оставались на частной квартире. Первое время шла организация групп, согласование с авиационным заводом всех производственных вопросов.

ПРИЗЫВ В АРМИЮ

25 августа 1942 года я получил повестку из Ленинского райвоенкомата города Казани с предписанием явиться в военкомат 26-го августа. В военкомате была проведена медицинская комиссия, и я был призван в ряды Красной Армии. Меня не пустили даже сходить за своими вещами. В это время мне было 17 лет и 7 месяцев.

Всех призывников, у которых было образование хотя бы 7 классов и более, зачислили в танковую школу. Итак, 26 августа 1942 года я попал в 23-й учебный танковый полк, который располагался у озера Б. Кабан. Обучение специальности стрелка-радиста совмещалась со строевыми занятиями, рытьем блиндажей для жилья и изучением материальной части английских танков «Матильда», «Валентина» и «Черчилль». Весь процесс обучения был рассчитан на 3 месяца. То есть в ноябре-декабре 1942 года мы должны были быть на фронте. Учитывая, что у меня была форма ремесленника, местное начальство решило не выдавать мне военной формы. И только в ноябре 1942 года, когда уже наступили морозы, мне выдали военную форму, которая была очень старая и заношенная. Ботинки, которые я получил, вообще были разные и старые: один — русский, другой — английский, при этом один очень жал ногу.

Учитывая, что в учебном полку было только по одному образцу английских танков, да и те я не видел в движении, полевые занятия проводились «пешим — по танковому»: то есть курсанты собирались в экипажи и бегали по полю «углом вперед», «углом назад», «в линию» и т.д. Пока было тепло — еще можно было бегать, но с наступлением морозов, а морозы под Казанью бывают ниже 30 градусов, бегать почти босиком и без рукавичек стало плохо. Хоть я и числился ротным писарем, но и меня никто не мог освободить от занятий, в том числе и от полевых. Курсанты, которые были из местных (в основном татары), жили не очень плохо, так как их снабжали продуктами и самогоном. А за самогон они сумели себя хорошо обмундировать. Некоторые из них даже носили сапоги. Я, конечно, обморозился бы, но меня выручал помощник командира взвода. Он давал мне свои меховые рукавицы. В один прекрасный день у меня эти рукавицы сперли, и я оказался в очень нехорошем положении, так как, по-моему, он не очень поверил, что их у меня украли. Учитывая создавшееся положение, я попросил, чтобы меня отпустили в город за моими вещами. Я рассчитывал, что продам что-нибудь и куплю рукавицы своему командиру. В начале декабря я получил увольнительную и поехал в свое РУ. Встретился с директором училища и узнал от него, что они с той квартиры выехали, а мой чемодан оставили татарину-хозяину дома. Когда я приехал к хозяину дома и попросил свой чемодан, то он сказал, что ничего не знает и никакого чемодана не видел. Я, конечно, вскипел, стал его искать и нашел. Но он был почти пустой. Я также увидел, что на нем была надета моя меховая душегрейка. Если бы я не был ограничен временем, я нашел бы, наверное, свои вещи. Но эта сволочь добровольно ничего отда-

вать не хотела. Пришлось мне взять пустой чемодан, меховую душегрейку и ехать в часть. Приехав в часть, я отдал своему командиру чемодан и душегрейку. И на этом это недоразумение было улажено.

В нашем взводе в основном были молодые ребята в возрасте 18–19 лет, а одно-му было лет под 40. Он казался нам стариком. Фамилия этого курсанта была Волков. Этот Волков все время жаловался на здоровье, и его даже направляли на медкомиссию, но там признали, что он годен к службе. Командиром роты до декабря 1942 года у нас был очень сволочной человек. Как-то он пришел в нашу землянку. Дежурный поставил роту по команде «смирно», но Волков не встал и оставался лежать на постели. На вопрос, почему он лежит, ответили, что он болен. Ротный приказал солдатам поставить Волкова. Его поставили, но, когда отпустили, он сел на край нар. Вид у него действительно был плохой. Тогда командир роты приказал вывести Волкова из землянки и в одной гимнастерке опустить в яму возле землянки. В яме при морозе минус 15–20 градусов Волкова продержали около двух часов, а когда его оттуда вытащили, то он не шевелился. После, когда он немного отогрелся, у него горлом пошла кровь, и его унесли в лазарет. Что с ним стало потом, я не знаю (скорее всего, умер). Нашего командира роты заменили другим, который был полной противоположностью первому.

Теорию по радиоделу нам читал ст. лейтенант, который родился в Ленинграде. Он все время опекал меня и хотел оставить в учебном полку в качестве преподавателя по практике радиодела. В конце декабря 1942 года мы сдавали экзамены по всем изучаемым специальностям. Экзамены и стрельбы я сдал успешно, и мне было присвоено звание младшего сержанта танковых войск. Перед отправкой на фронт у меня что-то случилось с пяткой правой ноги, она начала пухнуть и чернеть. Ботинок, это тот английский, который жал, я уже надеть не мог. Меня направили в санчасть. В санчасти установили, что пятка у меня подморожена и образовался нарыв. Когда вскрыли нарыв и прошло некоторое время, выяснилось, что под первым нарывом у меня второй нарыв. После вскрытия второго нарыва дело быстро пошло на поправку. Все же в санчасти я пролежал 21 день. Когда меня выписали, то ни одного моего товарища по учебе в полку уже не было. Кроме того, стало известно, что английских танков наша страна больше не получает, поэтому было решено всех, кто оставался в полку, направить на переучивание на танки советского производства. В начале января 1943 года я выехал из г. Казани на восток. До г. Свердловска ехали в пассажирских вагонах. Сухой паек был получен на 10 дней. По нашему вагону я был выбран ответственным за сохранение сухого пайка и за правильность его распределения. Здесь я еще раз убедился, что мир не без сволочей. Нашлись люди, которые хотели похитить части пайка, но это им не удалось. В Свердловске нас пересадили в товарные вагоны и повезли дальше. В г. Челябинске нас высадили и погнали пешком в учебный танковый полк, который находился у Соленых озер, в бывшем лагере для заключенных.

В полку готовили танкистов для танков «Т-34» и «КВ». В это время танки «Т-34» комплектовались радиостанциями английского производства типа «R-19» и «R-20», т.е. такими же станциями, как и английские танки «Матильда», «Валентина» и «Черчилль». В учебном полку питание было хуже, чем в Казани. Часто курсантов направляли на разгрузку вагонов или на заводы, в основном в литейные цеха. Рабочие в этих цехах работали в адских условиях — земляная пыль, духота и жара при значительной физической нагрузке. В мае месяце были сформированы экипажи и маршевые роты. Мы получили новое летнее обмундирование и были направлены на танковый завод (Бывший Кировский) для получения танков. В течение трех дней был сформирован танковый батальон. Танки погрузили на платформы и отправили на фронт.

ФРОНТ — ПЕРВАЯ ТАНКОВАЯ АРМИЯ

В конце мая 1943 года мы проехали Курск и прибыли на Воронежский фронт. Разгрузили нас недалеко от г. Обоянь. Удивительно, что за время следования и при разгрузке на наш эшелон не было ни одного авиационного налета.

На фронт мы ехали через Москву. В Москве из нашего эшелона сбежал один танкист. Все считали, что он отстал и догонит, но он не догнал. А через год, когда я уже был по ранению демобилизован и ехал домой, встретил этого танкиста в Москве. Он служил в московской милиции и нес дежурство у министерства тяжелого машиностроения, где я его и встретил. По его виду я понял, что он очень доволен службой и не испытывает никаких угрызений совести.

После выгрузки танков у г. Обоянь исчез механик-водитель нашего танка. Мы были очень рады, так как все в экипаже его не любили. Он не хотел воевать на танке и мечтал перейти трактористом в тяжелую артиллерию, так как там больший шанс остаться в живых.

После разгрузки наш танковый эшелон был передан в I-ю танковую армию, которой командовал генерал-лейтенант танковых войск М.Е. Катукоев. Новые танки были распределены между частями, которые требовали пополнения. Наш экипаж попал в танковую бригаду, которой командовал подполковник А.Ф. Бурда. На третий или четвертый день после нашего прибытия командир бригады вместе с комиссаром устроили смотр вновь прибывших экипажей. Каждый экипаж выстраивался у своего танка, и командир бригады подходил к каждому экипажу и знакомился с танкистами. После смотра наши танки были переданы в батальоны. Все новые танки, на которых были радиостанции, взяли себе командиры батальонов и командиры рот. В связи с тем, что радиостанции на танках были английские, а фронтовые радисты их не знали, я был зачислен в новый экипаж к командиру роты. На пятый день все вновь прибывшие танки были ночью выведены на позиции, поставлены в специально вырытые траншеи и замаскированы. Таким образом, весь танк, кроме башни, находился в земле. При необходимости танк легко мог выйти из траншеи. В этих траншеях танки стояли с мая по 5 июля 1943 года. В этот период наши танки никаких боевых действий не вели. В бригаде шла подготовка к новым боям. Изучались слабые места новых немецких танков «Тигр». В это время на боекомплект выдавалось 3–5 подкалиберных снарядов, которые могли пробить лобовую броню «Тигра». В связи с тем, что за танками в тот период не был закреплен десант из автоматчиков, охрана танка в ночное время ложилась на экипаж. Больше всех доставалось радисту и башнеру.

Наша рота вступила в бой в первой половине дня 5 июля 1943 года, так как наша бригада была выдвинута к самой передовой на участке 6-й армии. Наши танки были зарыты в землю. Я, как радист командира роты, поддерживал связь как с танком командира батальона, так и с танками командиров взводов. Весь экипаж нашего танка, кроме меня, участвовал во многих боях и обладал некоторым опытом ведения стрельбы из засады. Когда в поле зрения появились немецкие танки, весь экипаж занял свои места. Мне первое время было не по себе — нет, я не трусил, но какой-то страх сковывал меня. Мое волнение заметил водитель (наверное, по голосу), улыбнулся и говорит: «Не дрейфь, Колосов, у меня тоже это было». Когда командир открыл огонь, то через несколько выстрелов в танке дышать было нечем, хотя люк водителя был открыт. Уже через несколько минут стали поступать сообщения о потерях в роте и об успехах. О том, что происходит вне танка, можно было только догадываться, так как моя щель у пулемета упиралась в стенку вырытой траншеи. Между собой члены экипажа говорили по ТПУ. О том, что происходит в роте, и о своих успехах командир танка по радио сообщал командиру батальона. Весь этот день питались всухомятку. Во второй половине дня брига-

да имела значительные потери. Потери немцев были не меньше. Наш командир подобрал несколько танков. Особенно досаждали немецкие бомбардировщики, которые пикировали на наши танки почти отвесно и выходили из пики над самым танком. Вечером 5 июля наш танк был подбит.

ВСТРЕЧА С ГИТЛЕРОМ

К вечеру 5 июля в результате постоянных атак немецких танков и бомбардировок наша бригада понесла значительные потери. По официальным данным было подбито более 60 процентов всех танков. Ночью 6 июля наша бригада была отведена во второй эшелон. Так как у нас больше не было танка, то меня и башнера передали в резерв армии. А уже 12 июля наша армия стала получать новые танки, а так же стали поступать отремонтированные. Как известно, немецкое наступление на Курской дуге выдохлось 12–14 июля 1943 года. В резерве я пробыл до 17 июля 1943 года, когда меня зачислили обычным стрелком в не радиный танк. Вместе с этим экипажем я участвовал в боях до 23 июля 1943 года. В этот день мы вышли на рубежи, которые наши войска занимали до 5 июля 1943 года. 23 или 24 июля меня перевели в 14-й отдельный танковый полк стрелком-радистом в танк командира роты (командиром полка в то время был т. Гусев). Танк только что вышел из ремонта, но он был очень старый. Катки у танка были еще цельнометаллические, и он очень лязгал при движении. В конце июля наш танковый полк зарылся в землю, но ненадолго. Ночью со 2 на 3 августа весь полк, как и вся I-я Танковая Армия, был подведен к переднему краю. Рано утром началась артиллерийская и авиационная обработка переднего края немцев. После перенесения огня вглубь пошла наша пехота. Передний край немецкой обороны танки прошли почти без потерь. Здесь — и особенно вдоль дороги, по которой двигались наши танки, — было много убитых и раненых — как немцев, так и русских. Первые километры мы не встречали никакого сопротивления, но уже к 12 часам танки стали вступать в бои. Особенно не давала покоя немецкая авиация. К вечеру наш полк вошел в деревню Томаровка. Танки поставили под деревьями. Наш танк мы поставили под деревьями старого сада. При развороте танка повредили одну яблоню, за что нас хозяйка сада отругала. Когда все танки уже были замаскированы, налетела немецкая авиация и начала бомбить. Я часто попадал под сильные бомбежки, но эта была особенная — как по плотности, так и по продолжительности. Обычно при бомбежках я залезал в танк, но в этот раз она началась так внезапно, что мне пришлось искать другое укрытие, и я нашел в саду щель и спрятался в нее. Когда кончилась бомбежка, сад нашей хозяйки нельзя было узнать. Кроме того, бомба попала в пристройку и повредила дом. Еще лежа в щели, я заметил, что там что-то сложено. После окончания бомбежки заметил среди вещей большую картину. Когда я ее вытащил, то это оказался портрет Гитлера. Оказывается, в доме наших хозяев располагался какой-то немецкий штаб. Так я впервые увидел не карикатуру, а настоящий портрет этой сволочи.

4 августа наши войска, в том числе и I-я Танковая Армия, продолжали свое движение на запад. Днем вошли в деревню Борисовка. К вечеру почти вся I-я Танковая Армия (несколько сот танков) сосредоточилась в безлесой ложине. Ночь прошла спокойно, но только начался рассвет, налетели немецкие самолеты — и началась бомбовая обработка танков. Танки стояли очень плотно. На каждом танке сидел пехотный десант. Командир нашей роты, т.е. командир моего танка, был ранен осколком бомбы в голову, и наша рота осталась без командира. Примерно минут через 30 к нам прибыл новый командир роты. До этого он был политруком. Часам к 8 утра все танки покинули открытую ложину и продолжили движение на Запад. В полдень наш полк опять попал под бомбежку. При этой бомбежке был

убит командир 14-го отдельного танкового полка т. Гусев. Кто встал вместо него, я не знаю.

Во второй половине дня 5 августа наш танк был подбит. Остановился он на склоне у самой вершины бугра, т.е. был хорошей мишенью. Под обстрелом выбрались из танка и установили, что перебита гусеница. Гусеница лежала примерно в 100 метрах от танка. С большим трудом, провозившись около часа, поставили гусеницу на место и стали догонять свой полк. Начиная с августа, наш полк перебрасывался в различные места боевых действий — участвовал во взятии г. Богодухова, был у г. Ахтырка, перебрасывался в район г. Сумы. И нам везло — танк был цел, а экипаж жив.

Под г. Ахтыркóй был такой случай: наши танки вышли к противотанковому рву, и одна машина «Т-34» угодила в этот ров и встала в нем почти вертикально. Экипаж этого танка остался жив, хотя и здорово побился при падении машины. Мотор танка был исправен, но вернуться самостоятельно изо рва он не мог. Учитывая, что недалеко от танкового рва были немецкие позиции и танк мог быть захвачен врагом, экипаж вынул оба пулемета из танка и занял оборону. Когда наш танк подошел к ним, они очень обрадовались и попросили, чтобы мы попытались вытащить их из этого рва. Подкопали ров, чтобы немного наклонить танк в сторону вытягивания. Завели моторы на обоих танках и стали пытаться поднять танк изо рва. После нескольких попыток мы, в конце концов, сорвали коробку скоростей у нашего танка, и тот танк вытащить не удалось. По радио сообщили, что с нами и где мы находимся. Обещали на следующий день прислать машины, чтобы отбуксировать нас на ремонтный пункт, а до этого времени держать оборону. Ночь прошла относительно спокойно, и со стороны немцев не было попыток захватить наши танки. На следующий день пришла машина (танк «Т-34»), которая вытаскила тот танк изо рва, а наш танк отбуксировали к лесу для ремонта. В течение этого же дня у нашего танка была заменена коробка скоростей, и он вступил в строй.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Примерно с 16 августа начались сильные танковые контратаки немцев на г. Богодухов и г. Ахтырка. 19 августа наш полк находился под Ахтыркóй в какой-то деревне. Ночью поочередно дежурили у танка, так как рядом находились немцы. Когда очередь дежурства дошла до водителя, то он отказался принять вахту, ссылаясь на то, что он устал и ему весь день придется сидеть за рычагами. Вообще в ту ночь он очень капризничал и даже говорил о близкой смерти. Командир освободил механика-водителя от несения вахты. Вахту несли башнер и я. Утром наш полк перебросили к совхозу Ильичевка в помощь пехоте, которую атаковали немецкие танки и пехота. В момент одной такой контратаки наш танк был подбит и остановился. Снаряд пробил лобовую сторону брони нашего танка и тяжело ранил механика-водителя. Я, сидящий с ним рядом, был оглушен и ничего не ощущал, кроме звона в голове и ушах. От командира танка еще не поступило никаких указаний, а танк пробил еще один бронебойный снаряд. После попадания второго снаряда я почувствовал, что ранен. В танке появился дым, командир и башнер выскочили через свои люки. Люк механика-водителя уже был открыт, но водитель сам выбраться не мог. Командир и башнер вытащили его, а затем помогли выбраться и мне. Водителя стали оттаскивать от дымящегося танка за кирпичный сарай. Туда же отполз и я. В первую очередь перетянул ремнем бедро правой ноги, чтобы остановить кровь: сапог был наполнен кровью. Когда механика-водителя положили за кирпичным сараем, командир танка сам стал его перевязывать. Но не

успел ничего сделать, как третий бронебойный снаряд прошел кирпичную стену и вышел над самой головой водителя. Осколками кирпичей механик-водитель был еще раз ранен, а возможно — убит. Что удивительно, последний снаряд прошел над водителем — а тем временем около него с двух сторон находились командир танка (слева) и я с башнером, но никто не был дополнительно ранен. Командир танка приказал башнеру вывести меня с поля боя, а сам остался у тяжелораненого водителя. Когда мы вышли из-за сарая, то я увидел, что два танка нашей роты горят, а у одного сбита башня. А по кукурузному полю в нашу сторону двигаются немецкие танки, в основном «Тигры» и «Пантеры», в сопровождении пехоты. Когда мы шли в атаку, мы эти танки не заметили (они, наверное, были в засаде) и за это поплатились. Чтобы добраться до нашего переднего края, нужно было пересечь поле уже зрелого подсолнечника. Вот это-то поле и спасло нас. Не успели мы еще войти в подсолнечники, как немцы открыли огонь по нам, но не попали. А когда мы вползли в заросли, прицельного огня они уже вести не могли. Минут через пять-десять мы вышли из подсолнечника и обнаружили на бугре позиции нашей пехоты. Пехота видела, как нас подбили, и готовилась к отражению танковой атаки. Я очень хотел пить и, когда мне дали ведро с водой, думал, что мне не напиться. В метрах пятистах от передовой меня подобрал танк нашего полка. Минут через сорок я уже был доставлен в санбат, где мне сделали внешнюю обработку и перевязку ран. Всего было около восьми ранений, но серьезное было только в коленный сустав правой ноги. Здесь в санбате я распрощался с башнером, так как ему нужно было идти в полк, а меня направили в армейский госпиталь.

ГОСПИТАЛИ

При перевозке в армейский госпиталь боли в ноге настолько усилились, что я уже не мог молчать. Поздно вечером 20 августа прибыли на место, и ночью я уже был на операционном столе. Рана была обработана, и на ногу наложили шину. На следующий день меня перевезли в какой-то тыловой госпиталь под Курском. Госпиталь размещался в двухэтажном здании, бывшем имении. По прибытии в этот госпиталь нас, раненых, впервые вымыли и переодели в чистое белье. Здесь меня продержали около пяти дней и отправили дальше в тыл по железной дороге в товарных вагонах. В первую же ночь на наш санитарный поезд налетела немецкая авиация, но ни одной бомбы в состав не попало. Через два дня нас уже сгружали в г. Тамбове. Госпиталь, куда нас привезли, размещался в бывшей школе, которая находилась на окраине города. В Тамбове я пролежал около семи дней. Нога сильно опухла, и, учитывая тяжесть ранения, меня эвакуировали дальше на восток. В этот раз нас везли в настоящих санитарных вагонах со всеми удобствами.

В конце сентября 1943 года мы прибыли в г. Омск. Разместили нас в госпитале п/я 1254, который находился в школе недалеко от железнодорожного вокзала. Поместили меня в спортзал, в котором находилось не менее 100 раненых солдат и сержантов. Офицеры размещались в отдельных палатах. Моя койка находилась за сценой в левом углу зала. Рядом со мной лежал раненный в руку солдат 1925 года рождения, армянин по национальности, с которым я сразу подружился.

В октябре 1943 года раны мои затянулись, но правая нога была отечной красно-фиолетового цвета и не разгибалась. В течение трех месяцев врачи пытались восстановить ногу, но она лечению не поддавалась. В день моего рождения, т.е. 21 декабря 1943 года, когда мне исполнилось 19 лет, заседала медицинская комиссия, и мне дали вторую группу инвалидности. Учитывая, что Ленинград был еще блокирован, мне предложили выбрать место, куда бы я хотел поехать. На об-

думывание мне дали две недели. Вернувшись после медкомиссии в палату, я поведал своим товарищам о том, что меня в Ленинград не пускают и что мне предложили выбрать новое место жительства. Мой сосед армянин, о котором я уже упоминал, Хачатурян Хачик, предложил мне ехать к его родителям в Абхазскую АССР. Родители его жили в Гулирипшском районе рядом с г. Сухуми. Хачик гарантировал, что его родители примут меня как родного сына и я могу пожить у них до его приезда. Врачи ему сказали, что примерно через месяц его выпишут из госпиталя и отправят домой. Выбора не было, и я согласился поехать в Абхазскую АССР. Сообщил руководству госпиталя о своем решении, и мне выписали литер до г. Сухуми. Хачик написал письмо своим родителям и передал его мне. Я получил обмундирование, жалование и пару костылей, а 11 января 1944 года медицинская сестра госпиталя проводила меня на вокзал и посадила в вагон. В то время в каждом железнодорожном составе было два вагона для раненых. Вот в такой вагон меня и посадили. Вагоны отапливались очень плохо, спального белья в то время не давали. В связи с этим я спал прямо в шинели и в ботинках на нижней полке.

АБХАЗИЯ

Через несколько дней я был в столице. В Москве я не задерживался и, заком-постировав билет и получив продукты, поехал дальше. В то время, чтобы попасть на Кавказ, нужно было ехать через г. Сталинград, Сальск, ст. Тихорецкую. Потом поезд шел через Минеральные Воды, Махачкалу, Дербент, Баку, Кировабад до Тбилиси. Приехав в Тбилиси, я первым делом получил продукты и пошел на базар, который располагался недалеко от вокзала. На базаре продавали много виноградного вина, и я на десять рублей купил стакан вина и кусок кукурузного хлеба. В тот же вечер выехал из Тбилиси в Сухуми. Утром следующего дня на станции Гулирипши, не доезжая одной остановки до Сухуми, я сошел с поезда. Если в Омске — Москве была зима, то здесь в конце января была настоящая весна. У первого встречного я спросил, где находится колхоз им. Микояна. Выяснил, что колхоз расположен примерно в трех километрах от станции. Здесь на станции Гулирипши был размещен госпиталь, в котором долечивались летчики. Госпиталь находился прямо на берегу Черного моря. Мне же нужно было идти в сторону гор, т.е. от моря. Прежде чем ковылять 3 километра в горы на костылях, я решил подкрепиться. Позавтракав, отправился к месту своего временного жительства. Шел эти три километра очень долго, так как дорога шла все время в гору, часто приходилось отдыхать. Кроме того, светило солнце и было очень тепло — я был весь мокрый. Часа через два подошел к деревне, но спросить, где живут Хачатуряны, было не у кого, так как дома располагались не у дороги, а вверху на склоне горы. Пошел дальше, примерно через полкилометра увидел правление колхоза. У правления было много народа, и, узнав от кого и к кому я иду, показали дом, где живут родители Хачика. Дальше дорога шла вдоль горной речки, которая очень шумела. Дом родителей Хачика находился высоко на склоне горы, и от дороги к нему вела тропинка. Я стал по тропинке карабкаться, меня заметили, когда я уже подошел к самому дому. Из дома вышел старик (так мне показалось) и две женщины. Это были отец, мать и сестра моего друга. Поздоровались. Так как они по-русски почти ничего не понимали, я сразу же вручил им письмо от сына. Прочитав письмо, они повеселели и послали дочь за каким-то родственником, который знал русский язык. Меня ввели в дом, который был сделан из прутьев и обмазан глиной. Дом был из двух комнат. Первая — что-то вроде столовой или гостиной, пол был земляной. Вторая — спальня тоже с земляным полом. В доме не было печки. При необходимо-

сти можно было развести костер, место для которого размещалось в первой комнате. Дым от костра выходил наружу через отверстие в крыше. Через несколько минут после моего прибытия в доме собралось много родственников Хачика. Помоему, в этой армянской деревне все были родственниками. Среди молодых армян (в основном мальчиков) нашлись знающие русский язык. Меня стали расспрашивать о Хачике, о войне, о жизни в России. Каждый приходящий приносил с собой подарок для меня. В основном это были фрукты, продукты и табак. Вопрос о моем жительстве был решен: пока не приедет Хачик, я буду жить у его родителей как сын.

Часа в три дня был обед. К столу, кроме хозяев и меня, было приглашено еще человека три, а остальные наблюдали за обедом, стоя возле стен. Обед был многоблюдный, но не такой, как у русских. Стол был круглый, диаметром больше метра, и очень низенький (примерно 20–25 см от пола). Обедающие сидели вокруг стола на низких скамеечках. Стол был уставлен различной едой, разложенной по тарелочкам. Здесь была отварная фасоль, свиное сало с мясом, сладкое варенье, кукурузный хлеб и много различной зелени. Ели все, что на столе, т.е. никакого порядка не соблюдали. Ни первого блюда, ни второго не было.

Спал я в первой комнате один. На следующий день я стал знакомиться с местностью и с колхозом. Как я говорил, все дома были расположены высоко на склоне горы, а не у дороги. За водой спускались вниз к речке. Вокруг дома был сад и огород площадью в один гектар. В отличие от РСФСР, здесь были другие законы, в том числе и по площади приусадебного участка. В саду, кроме цитрусовых (мандарины, апельсины и лимоны), инжира, хурмы и ореха, было посажено несколько яблонь и ягодных кустов. В огороде в основном сеяли кукурузу — основной пищевой продукт, — фасоль и различные овощи.

Это поселение армян появилось здесь в 1920–21 гг. Они бежали из Армении в период, когда турки устроили резню армянам. Турки вырезали только мужчин и мальчиков, женщин вроде бы не трогали.

Колхоз в основном был табаководческий, но были и цитрусовые сады. Сеяли также и кукурузу. Прожив четыре дня у Хачатурянов, мне стало надоедать однообразие, и на пятый день я поехал в Сухуми. От Гулирипши до Сухуми 12 километров и добраться туда в то время лучше всего было поездом. В Сухуми мне предстояло встать на учет в военкомате и райсобесе. В райсобесе мне выдали продовольственные карточки и установили пенсию в размере 375 рублей. Это был максимум для сержантского состава, и получил я это благодаря тому, что со мной был аттестат об окончании ремесленного училища, — и тому, что я работал помощником мастера.

Я не сказал, что, когда уезжал из госпиталя, получил за четыре месяца 500 рублей жалованья. Мне как стрелку-пулеметчику, младшему сержанту по званию, полагалось 125 рублей в месяц (солдат получал, кажется, только 10 рублей). В России этих денег хватило бы на пол-литра водки или на 2–3 буханки хлеба. В Сухуме же жизнь была дешевле, и даже в то время на 50 рублей можно было прожить один день, если не тратить денег на одежду и жилье. Получив по выданному мне райсобесом карточкам продукты на десять дней, я вернулся в Гулирипши к своим армянам. Дней через десять после моего приезда появился и Хачик. Первые дни жить стало веселей, но уже дня через три я стал понимать, что я им в обузу, да и мне это однообразие стало надоедать. В колхозе мне была предложена должность счетовода, но я отказался. Хочу сказать, что последние три месяца в госпитале меня обучали счетоводному делу, т.е. знали, что работать по специальности слесарем я не смогу. Ходить каждый день по горным тропам было невозможно, и я обосновался в Сухуми.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

В 1944 году я оформил выезд из Сухуми, но доехал только до Москвы — Ленинград еще был закрыт. Пришлось вернуться. В 1945 году, когда уже закончилась война, я приехал домой в Ленинград, установил связь с сестрой, которая всю войну находилась в деревне (Псковская область), оккупированной немцами. В том же году в город вернулась сестра. Постепенно налаживалась мирная жизнь. Работать физически я не мог, поэтому решил пойти учиться в техникум. В 1946 году поступил на 2 курс Ленинградского судостроительного техникума и с отличием окончил его в 1949-м.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этом отрывке из биографической рукописи мой отец ничего не пишет о наградах. Во время войны он был награжден орденом Славы III степени № 568563. После войны — медалью за Победу над Германией, орденом Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почета», орденом Трудового Красного знамени, орденом Ленина и многими другими почетными наградами и знаками.

После окончания техникума его распределили в специальное конструкторское бюро (СКБ-143), которое занималось созданием атомных подводных лодок. Он продолжил свое обучение на вечернем факультете Ленинградского кораблестроительного института. Прошел путь от рядового конструктора до заместителя главного конструктора проекта. Работал со многими большими конструкторами и учеными в области атомного судостроения. Умер от лейкоза в январе 1987 года, ему было 62 года. Похоронен на Северном кладбище.